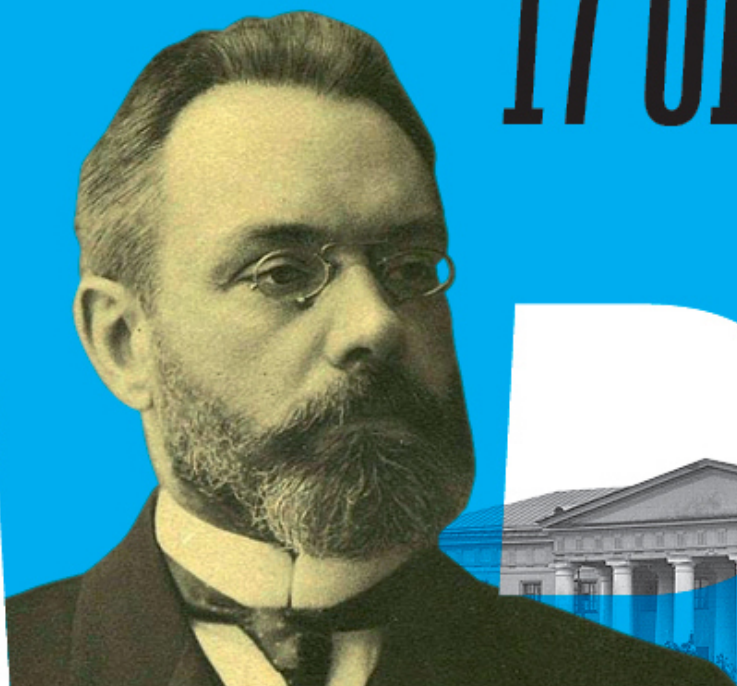

КИРИЛЛ СОЛОВЬЕВ

СОЮЗ

17 ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КЛАСС РОССИИ:
ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Кирилл Соловьев

**Союз 17 октября. Политический
класс России. Взлет и падение**

«НЛО»

Соловьев К. А.

Союз 17 октября. Политический класс России. Взлет и падение /
К. А. Соловьев — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-482325-1

После Первой революции Россия вступила в новый – короткий, но важный – период своей истории. В последние десять лет существования Российской империи в стране был парламент, неподцензурная пресса, легальные партии, а значит – публичная политика. Круг людей, которые пытались профессионально ей заниматься, в значительной мере был представлен партией «Союз 17 октября», оказавшейся на правом фланге российского либерализма. Среди октябристов, непосредственно влиявших на политическую жизнь того времени, были лидеры земского движения, крупные предприниматели, бывшие высокопоставленные чиновники, известные юристы и историки. Кто же они? Какие идеи разделяли? Кого представляли? Как выстраивали отношения с обществом и правительством? Как их пример помогает понять, что такое политика и кто такой политик сто лет назад? Через историю этой партии автор рассказывает о думском периоде в истории Российской империи – времени, когда начала складываться та Россия, которая так в итоге и не состоялась. Кирилл Соловьев – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», специалист по политической истории России XIX – начала XX веков.

ISBN 978-5-44-482325-1

© Соловьев К. А.

© НЛО

Содержание

ИСТОКИ	8
МОСКВА	20
ЗЕМЦЫ	25
ДРОЖАЩАЯ ЗЕМЛЯ	29
МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кирилл Соловьев

Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение

УДК 329.12(47+57)«189/1917»

ББК 63.3(2)53 52

С60

Партнер проекта

Редактор серии Д. Споров

Кирилл Соловьев

Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение / Кирилл Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Что такое Россия»).

После Первой революции Россия вступила в новый – короткий, но важный – период своей истории. В последние десять лет существования Российской империи в стране был парламент, неподцензурная пресса, легальные партии, а значит – публичная политика. Круг людей, которые пытались профессионально ей заниматься, в значительной мере был представлен партией «Союз 17 октября», оказавшейся на правом фланге российского либерализма. Среди октябристов, непосредственно влиявших на политическую жизнь того времени, были лидеры земского движения, крупные предприниматели, бывшие высокопоставленные чиновники, известные юристы и историки. Кто же они? Какие идеи разделяли? Кого представляли? Как выстраивали отношения с обществом и правительством? Как их пример помогает понять, что такое политика и кто такой политик сто лет назад? Через историю этой партии автор рассказывает о думском периоде в истории Российской империи – времени, когда начала складываться та Россия, которая так в итоге и не состоялась. Кирилл Соловьев – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального

исследовательского университета «Высшая школа экономики», специалист по политической истории России XIX – начала XX веков.

В оформлении обложки использованы фотография Таврического дворца К. К. Буллы (1900-е), открытка с фотографией А. И. Гучкова и первая страница газеты Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и Столичной полиции от 18 октября 1905 г.

ISBN 978-5-4448-2325-1

© К. Соловьев, 2023

© Ю. Никоненко, иллюстрации, 2023

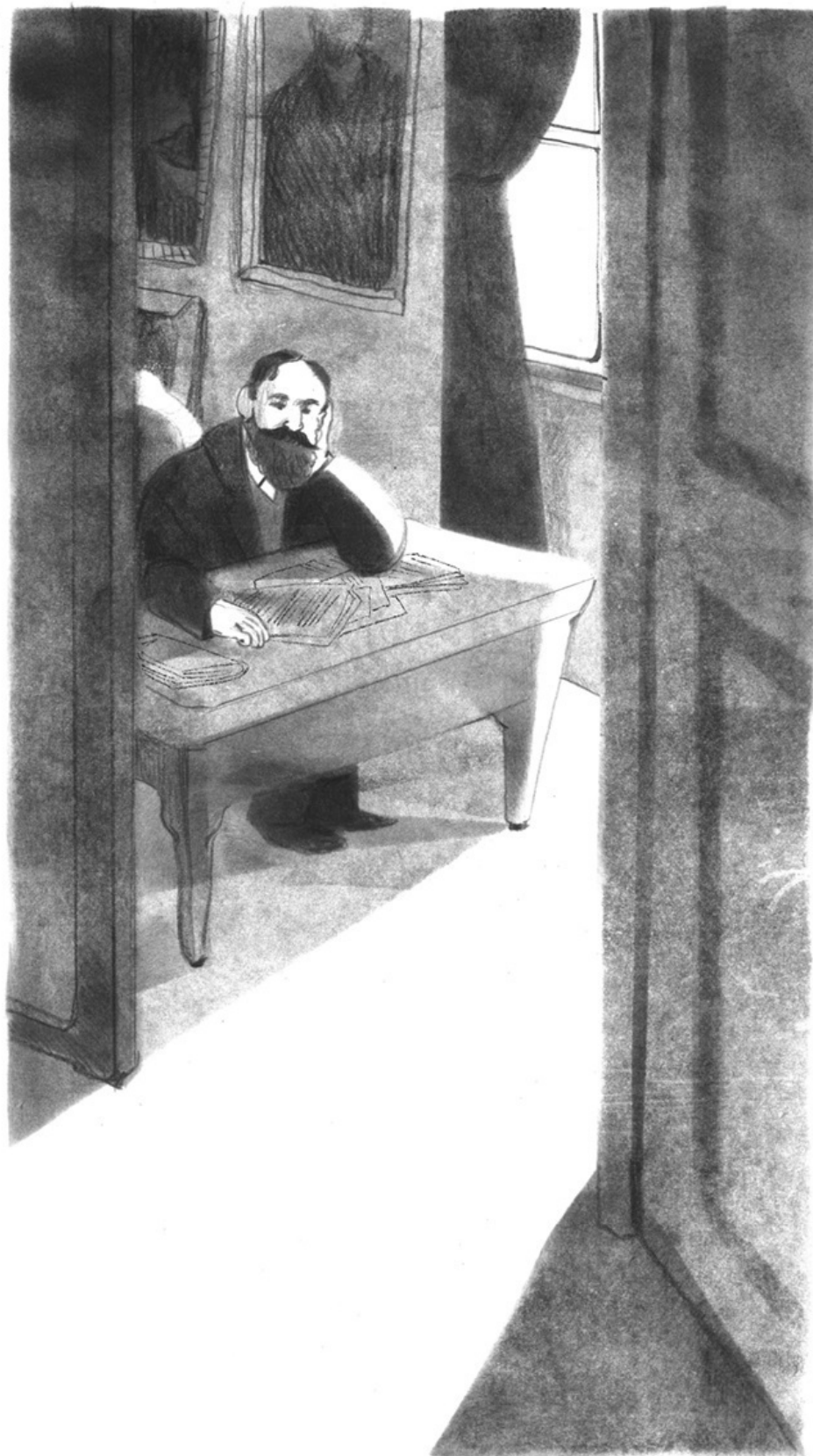
© Д. Черногаев, дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ИСТОКИ

«Б. Н. Чичерин представляется мне самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских, а, может быть, и европейских ученых настоящего времени», – замечал философ Вл. Соловьев. Современники могли не соглашаться с Чичериным, но неизменно почитали его. Он был автором монументальных трудов, мимо которых трудно было пройти. Его многотомная «История политических учений» – уникальное, по крайней мере по масштабу задуманного, сочинение. Поразительно, что автор этого титанического труда, охватившего политическую мысль за много веков ее эволюции, – один человек. И он был не только кабинетным ученым. Это московский городской голова, избранный в 1882 году и под давлением обстоятельств оставивший свой пост в 1883 году. То стало платой за его мужественную речь, посвященную коронационным торжествам в старой столице: «Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает наше содействие, и когда этот зов последует, он не должен застигнуть нас врасплох, мы должны быть готовы».

Современниками легко читался намек на грядущую политическую реформу, о которой в правящих сферах на тот момент даже и не думали. Чичерин оставил должность и отправился в родное имение Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии, один из центров «мыслящей России» XIX столетия. Там он занимался правоведением, историей, философией, социологией, политическими науками... Он разработал собственную модель атома. И это далеко не единственное, что его интересовало. Он предложил теорию периодического закона элементов, с которой согласился Д. И. Менделеев, написал труд «Опыт классификации животных». Чичерин был увлеченным коллекционером западноевропейской живописи. Это был человек удивительной широты интересов и вместе с тем поразительного одиночества. По словам философа Сергея Трубецкого, он был «с другой планеты». Он говорил «на особом языке» и не рассчитывал, что все его поймут. По оценке другого Трубецкого, Евгения, Чичерин был одиноким мыслителем, «который был не нужен России и был выброшен жизнью за борт, потому что был слишком кристально чист, слишком непоколебим, слишком ревностен».

Чичерин водил знакомство с крупнейшими европейскими учеными своего времени. Причем его интересовали и правоведы, и историки, и естествоиспытатели. В том числе этому

была посвящена его поездка в Европу 1858–1861 годов. Помимо немецких и французских исследователей, Чичерин поставил себе задачу встретиться еще с одним человеком, чья деятельность занимала многих в России, – А. И. Герценом. Тот, будучи в Лондоне, владел умами соотечественников и не без успеха пытался оказывать влияние на Москву, Петербург, губернские города. Чичерин недолюбливал Герцена, полагал его чересчур легковесным и легкомысленным. Встретившись, укрепился в своем мнении. У Искандера¹ был «ум, склонный к едкому отрицанию и совершенно неспособный постичь положительный строй вещей. В практических вопросах дело обстояло еще хуже». Они спорили и почти во всем расходились:

Я говорил ему о значении и целях государства, а он мне отвечал, что Людовик-Наполеон² ссылает людей в Кайенну. Я говорил, что преступление должно быть наказано, а он отвечал, что решительно не понимает, каким образом учиненное зло может быть исправлено совершением такого же зла...

Чичерин и тогда, и потом не боялся авторитетов. Он, вопреки мнению большинства современников, невысоко ставил труды А. И. Герцена и К. Маркса, весьма скептически оценивал сочинения Ф. М. Достоевского. Его крайне удивили восторги, вызванные «Пушкинской речью» последнего. Чичерин шел против течения и почти всегда оставался один.

Тогда в Лондоне встретились и разошлись два полюса русской общественной мысли. Они были совсем непохожи друг на друга. Оба гегельянцы, но разные. Оба говорили о свободе, но иначе. Оба имели смелость рассуждать по-своему, но шли в разные стороны. Герцен – это дионисийское начало русской общественной мысли, находившееся в безудержном поиске нового уклада жизни. Чичерин – это скорее аполлоническое начало, предпочитавшее степенный, но эволюционировавший порядок.

У Чичерина не было своей школы. Отчасти это объясняется тем, что он совсем недолго задержался на кафедре Московского университета (1861–1867). Однако об этом относительно скоротечном опыте вспоминал он сам, вспоминали студенты. Чичерин был сильным лектором, требовательным экзаменатором и при этом весьма благожелательным преподавателем. Его богатая библиотека была открыта для всех учащихся. В приемные дни он раздавал желающим собственные, порой редкие книги и еще более ценные комментарии.

Чичерин был либералом. Он ценил свободу, и свою, и других. Свобода в его понимании подразумевала независимость суждений, возможность и способность идти вопреки моде и общественному мнению. Чичерин не ориентировался на публику. Он и не был публицистом в полном смысле этого слова. Его сочинения, посвященные проблемам актуальной политики, были логическим продолжением научных опусов. Чичерин во всем стремился быть доказательным и беспристрастным.

Хотя бы по этой причине чичеринский либерализм не мог быть политическим, а сам Чичерин не был политиком. Он не боролся за власть и даже не думал об этом. Он не считал нужным предлагать свои взгляды в качестве основы программ будущих политических партий. Его либерализм не должен был кому-то понравиться. По крайней мере, сам Чичерин исходил не из общественных симпатий, а из анализа состояния социума и власти.

Чичерин, как и положено было человеку XIX столетия, был убежденным государственнымником. Для него вся история творилась государством, во благо государства, во имя его развития. Под этим углом зрения рассматривался любой сюжет мировой истории, российской – в особенности. Чичерин полагал, что весь путь, пройденный Россией, – это путь становления государства, от самых примитивных форм, основанных на элементарном насилии, до заметно более развитых, позволяющих расширять пространство свободы личности. Это обусловило

¹ Псевдоним А. И. Герцена.

² Имеется в виду император Франции Наполеон III.

социальное развитие страны. Концентрируя в своих руках очень скромные ресурсы, власть была вынуждена пойти на закрепощение человека. Несколько упрочив свое положение, она могла позволить себе начать процесс его раскрепощения. Это не могло случиться в один час. Маховик истории разворачивается не быстро. Раскрепостили дворян, потом купечество, духовенство, лишь затем встал вопрос о прочих сословиях империи, и прежде всего крестьянстве, составлявшем большинство населения страны. Это был путь одновременно и эволюции власти, и становления общества. В сущности, оно и создавалось правительством. Общество с неизбежностью было малочисленным и слабо организованным. Иным оно и не могло стать. Общество только нащупывало почву под собой. Тем не менее оно поднималось, мужало, стараясь смотреть в глаза власти. Однако пока это был подросток, не готовый к взрослым играм в политику. В конце 1850-х годов швейцарский правовед И. К. Блюнчли познакомился с Чичериным, который поразил коллегу остротой беспощадной мысли. Он не строил иллюзий относительно предстоявшего возрождения России: «По его мнению, мощь русской земли заключается только в общем весе и тяжести широко раскинувшихся масс». К дворянству он не испытывал особого доверия. «Среднего сословия» и вовсе не существовало.

Чичерин полагал, что ко второй половине XIX столетия в России оформились две силы: порядка и анархии. Или – царь и народные массы. «В пространстве между ними – ничего прочного и устойчивого». Порядок представляла правительственная администрация, при всех своих многочисленных и вполне очевидных недостатках. К анархии подсознательно стремилось большинство населения страны. Оно не ценило существующий порядок, но явно тяготилось им. Образованное меньшинство оказалось сплюснутым между этими двумя силами. Чичерин взывал к разуму своего читателя: власть – естественный союзник общества. Ко второй половине XIX столетия путь реформ был еще не пройден. Критики не щадили Чичерина. Среди них был будущий охранитель М. Н. Катков, который пока стоял на заметно более радикальных позициях:

Правду говаривал покойник [Т. Н.] Грановский, что изучение русской истории портит самые лучшие умы. Привыкнув следить в русской истории за единственным в ней жизненным интересом – собиранием государства, невольно отвыкаешь брать в расчет все прочее, невольно пристращаешься к диктатуре и, при всем уважении к истории, теряешь в нее веру.

Чичерин не принимал идею демократии. В этом крылась характерная черта классического европейского (отнюдь не только российского) либерализма. Его сторонники противопоставляли демократию свободе. Им представлялось, что демократия – дитя Французской революции. Народовластие обернулось террором и диктатурой. Политический режим должен быть таким, чтобы гарантировать свободу человека, а не господство большинства над ним. Власть подразумевает ответственность и чувство меры. Она должна жить в историческом времени, представляя фундамент здания и перспективы государственного строительства. По этой причине Чичерин не доверял массовому избирателю, который всегда будет думать о сиюминутном, подталкивая к этому своего избранника.

В годы царствования Александра II Чичерин полагал ненужным торопить события. По его мнению, выборы в парламент – дело не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Должно было вызреть «среднее сословие», которого пока не было. Самодержавие же оставалось необходимым инструментом для проведения широких реформ. Именно оно пока могло гарантировать свободы, а также наличие незначительного культурного слоя, возникшего усилиями все того же правительства. Так будет не всегда. Со временем «среднее сословие» все же возникнет, окрепнет и потребует участия в политической жизни.

Точка зрения Чичерина никого не устраивала: ни охранителей, ни радикалов. Одних он убеждал, что власть – это не синекура, это обязательство слышать глухую поступь истории.

В противном случае открываются врата революции, виновником которой всегда оказывается действующее правительство. Других обвинял в легкомыслии: они даже не пытались вникнуть в логику исторического процесса. Они заигрывали с бездной, не понимая, чем это грозит.

Вместе с тем Чичерин не боялся меняться. В 1880-е годы он отказался от апологии самодержавия. По его оценке, правительство продемонстрировало интеллектуальную беспомощность на заре царствования Александра III. Оно перестало поспевать за временем. Это был кричащий признак необходимости политической реформы:

Идти рука об руку с властью не значит поступаться своими правами, а еще менее отрекаться от независимости своих суждений... Я уверен, что в интересах самой власти встречать перед собой не страдательные только орудия, а живые, независимые силы, которые одни могут дать ей надлежащую поддержку, ибо тот, кто способен стоять за себя, может быть опорой для других. Поэтому нет хуже политики, которая стремится сломать всякое сопротивление. Действуя таким образом, власть воображает иногда, что она увеличивает свою силу, а между тем, она подрывает собственные основы и в минуты невзгоды она слишком поздно видит перед собой лишь надломленные орудия или встречает лишь глухую оппозицию, способную произвести брожение, но неспособную ничего создать.

О необходимости законодательного представительства Чичерин в полный голос скажет в преддверии XX века в брошюре «Россия накануне XX столетия»:

Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыть себя высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет.

Либерализм изменчив и вариативен. Это не догма, а вопросы, не программы, а стиль поведения тех, кто их поддерживает. Либерализм начала и конца XIX века не слишком похожат друг на друга. Эта идеология имеет и национальные особенности. В этой связи вполне правомерно говорить об английском, французском, немецком, наконец, о российском либерализме. Это не отменяет того, что у любой идеологии есть неизменное, «инвариантное» ядро. У либерализма – тоже.

Как интеллектуальное течение (но пока еще не идеология) либерализм начал свое становление в Англии на рубеже XVII–XVIII веков. В основе его лежит представление о безусловной ценности прав личности и индивидуальной свободы, огражденной от государственного произвола. Либерализм традиционно основывается на представлениях о естественных правах человека, который не может быть их лишен даже по собственной воле. Английский философ Дж. Локк выделял три таких права: на жизнь, на свободу, на собственность. Впоследствии их список регулярно пересматривался. В частности, Т. Джефферсон в «Декларации независимости США» исключил право на собственность, заменив его правом на счастье (*pursuit of happiness*). На протяжении XIX–XX веков перечень прав, которые должны быть так или иначе гарантированы государством, видоизменялся и неуклонно расширялся. Вместе с ним менялся и западноевропейский и североамериканский либерализм. Однако логика, стиль мышления либерала оставались неизменными. Сохранялось незыблемым инвариантное ядро либерализма.

Прежде всего это обуславливалось «генеалогией» либеральной идеи. Она сложилась как реакция на гегемонию концепции полицейского (регулярного) государства, которая безраздельно господствовала в европейской общественной мысли во второй половине XVII века. Эта

интеллектуальная конструкция стала настоящим прорывом для своего времени. Фактически именно она обеспечила конституирование государства в современном понимании этого слова – в первую очередь в лексиконе европейского политика и мыслителя Нового времени. Такое государство не нуждалось в харизматическом лидере и даже теологическом обосновании. Оно должно было управляться посредством жестких регламентов, которые полностью механизировали всю систему управления, обеспечивая ей предельную эффективность. Их наличие позволяло упразднить средневековые привилегии – очевидные рудименты предыдущей эпохи. Вместо этого новая государственная власть могла требовать полного подчинения себе любого подданного, который должен был с максимальным напряжением трудиться во имя «общего блага».

Популярная концепция английского мыслителя Т. Гоббса (1588–1679) находилась в логической связи с идеологией и практикой полицейского государства. Гоббс полагал, что догосударственное существование человечества было «войной всех против всех». Конец ей был положен договором, согласно которому ничем не ограниченная власть вручалась суверену (абсолютному монарху). Именно он обеспечивал безопасность подданного, взамен лишая последнего всякой свободы.

Этот тотальный порядок не предусматривал даже постановки вопроса о правах человека, более того, он исключал сам диалог между управляющим и управляемым. Конечно, столь радикальное решение вопроса о власти можно было осуществить решительно и обстоятельно лишь в интеллектуальной сфере. О практическом воплощении этого идеала не могло быть и речи: материальные ресурсы государства оставались недостаточными. Общество, бывшее в значительной мере средневековым, сопротивлялось осуществлению идеалов полицейского государства, держалось за свои традиционные привилегии. Предложенная Т. Гоббсом модель могла его устроить лишь отчасти. Оно было готово признать факт договора, положившего начало государственному правопорядку. Вместе с тем концепция неограниченной верховной власти, способной обеспечить безопасность подданных, была неприемлема для средневековых элит. В сущности, это и обусловило концепцию естественных прав.

В этом заключался парадокс либерализма. Он предполагал ограничение государственной власти ее же средствами. Либерализм способствовал становлению концепции правового государства, несмотря на то что она основывалась на ценностях традиционного, в значительной мере феодального общества.

Либерализм разнообразен и изменчив. У него есть и национальные и региональные особенности. Помимо того, он существенно менялся с течением времени, что в полной мере сказалось на судьбе российского либерализма.

Его анализ затрудняется тем, что в интеллектуальной практике России XIX – начала XX века порой под либерализмом понимались совсем далекие друг от друга явления. Во-первых, имелось в виду идеологическое направление. Во-вторых, умонастроение части российского общества, рассчитывавшей на проведение политической реформы и одновременно боявшейся «революционных эксцессов». В-третьих, взгляды некоторых представителей высшей бюрократии, полагавших необходимыми широкомасштабные реформы, направленные на европеизацию России. В данном случае тесно соприкасались друг с другом философское и бытовое понимание термина.

Конечно, «либералы» в различном смысле этого слова были сторонниками реформ. Однако это не дает оснований игнорировать различия между ними. Под понятием «реформа» часто скрывались непохожие друг на друга явления. В силу этой причины неудивительно, что «правительственный либерализм» мог оказаться антилиберальным по своей направленности, а «либеральная общественность» могла беспощадно критиковаться одним из наиболее ярких представителей классического российского либерализма Б. Н. Чичериным. В наибольшей степени либерализм был непопулярен в консервативных кругах, в частности, Николай II говорил

министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому: «Отчего могли думать, что я буду либералом? Я терпеть не могу этого слова».

Столь размытое понятие к началу XX века в значительной мере дискредитировало себя. Обычно оно отождествлялось не с идеологическим течением, представленным выдающимися мыслителями второй половины XIX века, а общественными устремлениями части публики, настроенной «фрондерски», но не готовой к политическим действиям. Иначе говоря, бытовая трактовка термина становилась доминирующей. Примечательно, что сами русские либералы начала XX века в России предпочитали не называть себя так, хотя в то же самое время за границей они всячески подчеркивали свою принадлежность к либерализму.

Как идеологическое течение либерализм сложился в России в 1830–1840-е годы. В его основу легли идеи французских теоретиков (Ф. Гизо, Б. Констан, А. де Токвилль) и гегельянство. Эта концептуальная база позволила переосмыслить интеллектуальный опыт философии Просвещения и предложить национальный проект модернизации России, предполагавший поступательное развитие социально-политической системы. На первоначальном этапе российский либерализм получил наибольшее распространение в университетской среде. Впоследствии он упрочил свое влияние вместе с развитием и укреплением общественных институтов (кружков, общественных объединений, органов печати, местного самоуправления и т. д.). Историю либерализма в России в XIX – начале XX века можно разделить на два этапа: классический (1830–1890-е), неолиберализм (или новый либерализм) (конец XIX – начала XX века). Это деление очень условно. И в начале XX столетия в России были носители традиций классического либерализма, который и в XIX веке не был статичен, но динамично менялся.

Классический либерализм, представленный такими мыслителями, как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, А. Д. Градовский и др., был основан на теоретических построениях государственной школы историографии, в соответствии с которыми в России ключевой силой в историческом процессе было, как легко догадаться, государство. Оно способствовало развитию правовых, общественных институтов. Следовательно, и гражданское общество могло возникнуть лишь при активном участии правительственной власти. В силу этого представители классического либерализма выступали категорически против революционных потрясений, которые, подрывая государственные устои, нарушали естественный ход развития и могли ввергнуть Россию в анархию. Теоретики классического либерализма отстаивали эволюционный путь преобразований, позволявший постепенно расширять правовые гарантии политических и гражданских свобод каждого отдельного человека и со временем рассчитывать на установление в России конституционных порядков. При этом в соответствии с основными положениями этой концепции либеральные ценности несовместимы с демократическими, утверждающими безграничную гегемонию большинства, так как ключевая задача правового государства – отстаивание интересов индивидуума. Представители классического российского либерализма отождествляли всеобщее избирательное право с охлократией. Они полагали, что участие в политической жизни страны должно быть сопряжено с социальной ответственностью, которая в первую очередь предполагает обладание определенным имущественным статусом. Более того, в 1860–1870-е годы именно либералы выступали против ограничения самодержавия, так как они считали, что российское общество не готово к конституционным порядкам. Их введение должно было стать результатом продолжительного социального развития. В этот период либеральные идеи отстаивались влиятельными периодическими изданиями (например, журналами «Вестник Европы», «Русская мысль» и др.), общественными объединениями (юридическими обществами, обществами грамотности, Литературным фондом и т. д.), земскими собраниями и органами городского самоуправления.

В условиях торжествующей «контрреволюции» царствования Александра III любое другое направление мысли, помимо консервативного, вытеснялось «на обочину». Это касалось и либерализма, который был тогда не на подъеме, осмысляя прошлое и подготавливая свое

будущее. Никакого единого либерализма на тот момент не было, не было и либеральной партии, а только кружки, кардинально расходящиеся между собой, как писал ведущий публицист журнала «Вестник Европы» К. К. Арсеньев в начале 1880-х годов. В эти годы пришло время переоценить то, что прежде казалось естественным и привычным. А. Д. Градовский отмечал, что понятия «свобода», «право» к концу XIX века «потускнели», лишились своего изначального обаяния. Проблема была в том, что разговор о правах и свободах продолжался его современниками в стилистике XVIII столетия. Тогда, накануне событий во Франции, это была настоящая интеллектуальная революция, за которой последовала революция политическая. Ситуация изменилась. Во второй половине XIX столетия такие слова казались трюизмом. И главное: они игнорировали зарождающуюся науку об обществе. Стало понятно, что социум – это живой изменчивый организм, а не просто механическая совокупность людей. Такое понимание способствовало популяризации социалистических учений – причем самых разных изводов, от революционных до сравнительно умеренных. Либералам приходилось принаравливаться к новым вызовам времени.

В правительственных кругах на них продолжали смотреть искоса и даже враждебно. По оценке Б. Н. Чичерина, либерализм 1880-х годов казался правительству даже более опасным, чем марксизм. Последний виделся сугубо теоретическим течением: в этой связи он не слишком тревожил правительственных чиновников. По мнению Чичерина, как раз при попустительстве властей тексты К. Маркса получили широкое хождение среди учащихся. Едва ли Чичерин в данном вопросе в полной мере объективен. Однако он несомненно точно оценивал настроения консерваторов, которые опасались либерализма, пожалуй, больше социалистических учений. Так, по мнению К. Н. Леонтьева, подлинная революция и есть либерализм, который грозит тотальной эмансипацией. Социализм, напротив (конечно, помимо своего желания), противодействует этой тенденции: «Социализм скоро... сделается орудием новой корпоративной, сословной... не либеральной и не эгалитарной структуры государства».

Эволюция любого идейного направления – дело небыстрое. Прежние взгляды, оценки и, главное, персоналии уживаются с новыми. По этой причине любое идеологическое направление не может быть однородным. Это относится и к российскому либерализму 1880–1890-х годов, переживавшему «переходный возраст». Тогда встретились два поколения. Одно принадлежало к эпохе Великих реформ, другое – к будущему, ко времени партийного строительства. Столпами либеральной мысли продолжали оставаться Чичерин, Градовский и др., не представлявшие политических партий. У каждого из них была своя линия. Но все же многое либералов этого поколения объединяло. Их теоретические построения основывались на признании безусловной ценности человеческой личности и одновременно с тем государственных институтов. Отчасти это сближало либералов «старой школы» с их консервативными современниками. Впрочем, «консерватизм» российского либерализма заметно отличался от того, что проповедовали К. П. Победоносцев или К. Н. Леонтьев. Так, по мысли А. Д. Градовского, консерватизм заключается не в том, чтобы держаться за старое, за отмирающие традиции. Он подразумевает развитие – на основе многовекового исторического наследия. Ведь институты XV века не могут оставаться неизменными в XIX столетии. Важны не формы, а сам принцип. Именно институты государственности способствовали складыванию России. Они были ее остовом, без них она давно бы распалась. Соответственно, только правительственная власть могла гарантировать права человека. Альтернативой же существовавшему государству была не политическая свобода, но анархия.

Социальный порядок в версии Б. Н. Чичерина не подразумевал социальной справедливости. Он строился на неравенстве как естественном следствии исторического развития. Искоренить его невозможно. Это значило бы идти на намеренное разрушение правового уклада, альтернативы которому нет.

Русский либерализм этой волны подчеркивал свою связь с традицией и текущим положением дел. Он старался быть актуальным. Тем не менее оставался вопрос: что важнее – почва или время? При всей условности этой дилеммы, либералов конца XIX века можно разделить на две группы. Одни полагали необходимым учитывать историческую судьбу России. Другие делали акцент на вызовах времени.

Первые – это сторонники, говоря словами Чичерина, «охранительного либерализма», каковыми являлись сам Чичерин, Градовский и др. Они не могли всерьез рассматривать русский социализм, видя в нем жалкую тень тех процессов, которые разворачивались в Западной Европе. Там речь шла о формировании «четвертого сословия» – пролетариата. Это было дело миллионов. В России же

несколько сот пропагандистов стараются разогреть восьмидесятимиллионную массу, в противность всей русской истории. Там социализм долгой работой выдающихся умов и великих талантов возведен в степень особой науки... Здесь – несколько плохих брошюр, странных прокламаций и снотворных журналов.

На животрепещущие вопросы эпохи следовало отвечать иначе.

Для того чтобы сформулировать ответы на новые вопросы, потребовалось десятилетие. По словам А. А. Кизеветтера,

вторая половина 80-х годов... была временем чрезвычайного обмеления общественных интересов. Все расселись по своим углам. Одни, по выражению Салтыкова[Щедрина], начали «годить», другие и «годить» перестали и, ни о чем не загадывая, упили с головой в однообразную канитель «малых дел».

Новое слово российские либералы сказали уже в 1890-е годы. В огромной степени это было связано с тем, что тогда заявило о себе *другое поколение*, родившееся в годы Великих реформ, учившееся в толстовской гимназии³, поступившее в университет уже в годы царствования Александра III. Распространение грамотности, постепенная урбанизация, развитие адвокатуры, журналистики, издательского дела, органов самоуправления – подобные тенденции только набирали обороты. Это встречало растущее неприятие властей, которые безуспешно пытались контролировать поток жизни. Новое поколение пережило студенческие волнения 1889 года, а свою деятельность начало с кампании помощи голодающим 1891–1892 годов. Как раз среди представителей общественности этой генерации появились сторонники «нового либерализма».

Конечно, едва ли он бы сложился, если бы не общеевропейский интеллектуальный контекст. Конец XIX века стал временем пересмотра основных положений либерализма в Старом Свете. Западноевропейские страны вынужденно расширяли круг лиц, имевших право участвовать в выборах. Массовость избирателя подразумевала изменения и в партийной системе. Либералы не могли пройти мимо социальной проблематики, если хотели сохранить за собой депутатские кресла. В либеральном учении следовало выделить главное, что не подлежало ревизии. Прежде всего речь шла о самоценности человеческой личности, правовая свобода которой должна быть гарантирована государством. Это подразумевало со стороны правительства и сбалансированную социальную политику. Гражданину должны были быть обеспечены комфортные условия для самореализации, что требовало от властей активного вмешательства, в том числе в экономические процессы. Не могло быть и речи о государстве как «ночном стороже». В новых обстоятельствах власть должна была гарантировать человеку не просто право на жизнь, а право на *достойную жизнь*. Данное понятие включало в себя многочислен-

³ Имеется в виду классическая гимназия, преобразованная Д. А. Толстым в бытность его министром народного просвещения (1866–1880).

ные социальные обязательства правительства. Соответственно, прав у человека становилось больше. Он должен был получить право на образование, медицинское обеспечение, достойный досуг и др. За все это отвечало государство, которое становилось регулятором правоотношений. В ряде случаев перед ним стояла сложная задача решить, какое право человека приоритетно, какое – нет. Иногда можно было пожертвовать и некогда священным правом на собственность. Как раз в связи с этим английский мыслитель, социолог, политический деятель Дж. С. Милль поставил вопрос о том, что собственность подразумевает не только права ее владельца, но и обязательства с его стороны. Частная собственность должна работать на общество, а не мешать его развитию. Эти положения составляли не только избирательную платформу политических партий, но и программы западноевропейских правительств, которые не боялись идти на широкие социальные реформы.

В России конца XIX века о практической реализации подобной программы речи быть не могло. Перед молодыми представителями российского либерализма стоял вызов иного рода. Они должны были предложить повестку, приемлемую для их сверстников, так или иначе увлеченных идеями социализма. Причем нередко грань, отделявшая либералов от социалистов, была еле заметной. В сущности, речь идет о разных сторонах одного общественного движения, в котором пока не произошла идеологическая дифференциация. Перед каждым его представителем стоял вопрос о приоритетах. Отдавая предпочтение политическим вопросам, он не отказывал в актуальности социальным или экономическим проблемам. Его идеологические предпочтения в огромной степени сводились к выбору иерархии ценностей.

Делая выбор в пользу прав человека, либерал должен был решить непростую задачу: есть ли у общества право на борьбу с властью. Можно ли, отстаивая закон, бороться с существовавшими законами? В юриспруденции того времени господствовало позитивистское понимание права, согласно которому законы – это воля действующей власти. Такая точка зрения исключала возможность оппозиции в самодержавной России. Либеральная мысль конца XIX века предложила иной ответ на вопрос о природе права. Именно тогда начала складываться школа так называемого *возрожденного естественного права*. Ее сторонники (например, В. М. Гессен, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой) полагали, что законы должны соответствовать бытующим в стране представлениям о справедливости. По словам Е. Н. Трубецкого,

естественное право вообще не включает в себе никаких раз навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи.

Законы должны соотноситься с общественными идеалами, которые, в свою очередь, не стоят на месте, а постоянно меняются. Если этого не происходит, власть застывает в своем развитии, отказывается реагировать на вызовы времени, возникает трагический разрыв между действующим законодательством и общественными представлениями о том, каким должно быть право. Такая пропасть с каждым годом углубляется. Перекинуть мост между расходящимися берегами становится невозможным. В итоге действующая власть стремительно утрачивает обаяние, перестает быть справедливой в глазах большинства. Правительство оказывается тираническим, насилие – основным инструментом управления. Однако каков бы ни был арсенал репрессивных средств, он становится недостаточным в условиях тотального одиночества власти. Осознание ее нелегитимности влечет за собой крушение режима, а потом и перестройку всей правовой системы. По словам Ф. Ф. Кокошкина,

неудовлетворенное общественное правосознание ищет себе иного выхода помимо существующей законодательной власти и создает новое право через посредство иных органов или существовавших ранее, но не обладавших законодательной властью, или совершенно новых, созданных общественным

движением. Эти органы провозглашают новые юридические нормы, которые санкционируются в той или иной форме общественным мнением и этим путем превращаются из выражения правосознания отдельных лиц в положительное право.

В этих обстоятельствах следовало точно диагностировать: что воспринимается большинством населения справедливым, соответствующим представлениям о праве. Естественно, никаких объективных критериев для этого не было. Приходилось довериться собственной интуиции. Молодое поколение российского либерализма полагало неслучайной общеевропейскую популярность социалистических учений. Казалось, это была не просто интеллектуальная мода, а общественный идеал, который вынуждены учитывать сторонники самых разных взглядов. Общественный идеал – это не то, что подлежит реализации, а то, что является коллективной мечтой всего поколения.

Каков же общественный идеал, по мнению сторонников нового либерализма? Они исходили из взаимообусловленности либеральных и демократических ценностей, что ставило вопрос о необходимости расширить перечень гарантированных гражданину свобод. Как раз в связи с этим был поставлен вопрос о праве человека на «достойное существование», о чем впервые отчетливо сказал в своих работах философ Вл. Соловьев, как и о социальной функции собственности, которая должна служить не только ее обладателю, но и всему обществу. Это, в свою очередь, предполагало активную роль государственной власти как регулятора правоотношений – политических, экономических, социальных. Она могла активно вмешиваться в хозяйственную деятельность граждан и даже в случае необходимости проводить политику национализации частной собственности. Наконец, государство, претендующее на выражение интересов большинства, должно было демократизироваться, гарантировав политические права всем своим гражданам.

1890-е годы стали рубежными в истории российского либерализма. Тогда были сформулированы принципы и идеи, получившие дальнейшее развитие в последующие десятилетия. Было предложено новое понимание государства, собственности, права, революции, реформ и т. д. Все это станет основанием будущих политических объединений: «Союза освобождения», Конституционно-демократической партии, партий демократических реформ, прогрессистов и др. Так начинался политический двадцатый век – исподволь, не всегда заметно, неизменно отдавая должное веку девятнадцатому.

Политическое учение – это не столько доктрина, сколько эмоции и ассоциации, которые она вызывает у своих адептов. У идеологии есть своя среда обитания. Земский либерализм чичеринского извода прочно осел в дворянском поместье, в земском собрании, в московской усадьбе. Политический либерализм кадетского толка нашел себе пристанище на университетской кафедре, в редакции газеты или журнала.

В мае 1878 года Б. Н. Чичерин, вернувшийся из-за границы в свой родной «Караул», писал старому приятелю А. В. Станкевичу:

Уже Тамбов произвел на меня какое-то успокоительное впечатление. Пошел гулять по берегу реки и вспомнил свое детство и прежние прогулки весной, вечернее зарево, возвращение городского стада, переплывающего через реку. Везде по берегу маленькие домики с сидящими у ворот обывателями и бегающими перед ними детьми. Все это представляло мне картину мирной и блаженной жизни в провинциальной глуши, и мне самому захотелось пожить такой жизнью. Но это была только праздная мечта. Дома меня тоже ждали впечатления мирной сельской жизни, но при совершенно иной обстановке, среди роскоши, от которой я в Москве стал было отвыкать. Все здесь показалось мне отменно хорошо: отличный дом, отличный сад, отличный

вид, отличные сливки, отличное масло, отличные раки, отличные дупеля – и это все свое. Одного здесь нет, что есть в Москве. Это отличных друзей, и это одно, что привлекает меня в Москву и заставляет желать провести там будущую зиму.

МОСКВА

Как писал граф Д. А. Олсуфьев,

Москва – это провинциальная дворянская семья, отпустившая честолюбивого сына служить в Петербурге. Сынок в блестящем мундире и орденах приезжает на побывку домой, ему и рады, им и гордятся, его и конфузятся, не хотят ударить лицом в грязь, его и побаиваются. Таковые отношения искони были между столицами.

Сравнения Москвы и Петербурга бесчисленны в русской литературе. Можно сопоставлять характер городской застройки, архитектурные стили, ритм жизни – и во многом находить отличия, подыскивая тому соответствующее историософское обоснование. Это одна из «вечных тем» для публицистов и писателей. В данном случае культурологический аспект не столь важен. Москва – это тоже власть, но особая власть. Ю. Ф. Самарин точно охарактеризовал чиновничество, которое, снимая мундир и облачаясь в халат, становилось общественностью. Петербург ходил в мундире, а Москва – в халате. Это были приблизительно одни и те же люди, но игравшие разные роли. Родственные, дружеские, профессиональные связи не мешали им драматически расходиться между собой, чтобы вновь потом сойтись. Московская тема звучала в столице, а петербургская – в Первопрестольной.

Общественная мысль, общественное движение получили развитие и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и во всей остальной России. И все же для Москвы «общественное» значило

больше, чем для столицы. Оно не заслонялось чиновным, придворным, гвардейским. В столице над Москвой часто посмеивались. Обвиняли ее в лени и нерасторопности.

Там, где требуется работа одного человека, в Москве, несомненно, в большинстве случаев будет стоять два. Если работоспособность человека позволяет заменить им двух или трех лодырей, то заработок его от этого не увеличится.

Московские газеты и в начале XX века не справлялись со своевременным распространением номеров среди подписчиков. В Петербурге такой проблемы не было. Маляры и столяры при ремонте квартиры в Москве работали в четыре раза медленнее, чем в столице. Даже внешний вид извозчиков в двух городах заметно отличался – не в пользу москвичей, разумеется. Наконец,

в Москве масса населения непривередлива по отношению к комфорту, и, глядя на гуляющих даже по Тверскому бульвару, по степени чистоты лиц можно полагать, что еще небольшой процент москвичей испытывает уже потребность менять наволочки на подушке.

Тем не менее Москва – очень динамичный город, во многом превзошедший столицу. С 1897 по 1914 год ее население увеличилось в 1,7 раза. По скорости демографического роста Москва в полтора раза превосходила Петербург. В этом отношении она лидировала во всем мире, уступая лишь Нью-Йорку. С 1860-х по 1890-е годы количество строений во второй столице увеличилось более чем в четыре раза. В начале XX века торговый оборот Москвы составлял 854 млн руб., промышленный – 318 млн. На каждого жителя в среднем приходилось 303 руб. В среднем же по Европейской России этот показатель равнялся 84 руб. В Санкт-Петербурге он составлял 130 руб. С 1872 года начали прокладываться конки, а с 1880-х годов – паровые трамваи. Они шли от Бутырской заставы до Петровской сельскохозяйственной академии; от Калужской заставы до Воробьевых гор. В 1899 году началось движение электрического трамвая. В 1883 году в городе появились электрические фонари. Правда, повсеместными они стали только после 1896 года. Москва – место приложения немалых общественных усилий. Третьяковская галерея, коллекции Щусева и Морозовых, Бахрушинский театральный музей, Московский Художественный театр – памятники благотворительности, говорящие сами за себя. А еще собрание икон С. П. Рябушинского, Частная опера С. И. Мамонтова, опера С. И. Зимина, Московское философское общество М. К. Морозовой, издательство Солдатенковых, Клинический городок на Девичьем поле и др. Показателен тот факт, что большинство гласных городской думы составляли представители деловой Москвы (63%). Четверть – принадлежавшие к свободным профессиям и интеллигенции.

Город был разный. Каждый район имел свой облик. Пречистенка, Поварская, Молчановка были местом жительства дворянских семей. Арбат – пристанищем для профессорской Москвы. Бронные и Палаши – это своего рода Латинский квартал, место проживания студентов. Китай-город – деловой центр, московский «сити». Оплот купечества располагался в Замоскворечье. В Марьиной Роще преобладали мещане. На Пресне – рабочие. В Рогожской и Преображенской частях проживали старообрядцы. Разумеется, такого рода районирование имело предельно условный характер. Различия постепенно сглаживались. И все же и в начале XX века Москва оставалась очень сложным организмом, в котором «старина» и «новизна» пересекались, уживались, сталкивались и встречались на каждом углу. На окраинах было много немощеных улиц. На Садовой можно было встретить партию каторжан. Они шли в сторону Нижегородского вокзала и бряцали кандалами. Там же гоняли гурты скота на бойню. Быстро меняющийся город пугал поклонников старины:

Москва пыльная, безводная, смрадная, Москва фабричная, безработная, хулиганская, босячая... Москва черных рубашек и черных ремней, фуражек, нависших на козырек, и всяких разбойных, пьяных и лженищенствующих людей! Вся эта современная уличная грязь, современная роскошь, размеры магазинов, возбуждающих сквозь крупные зеркальные стекла всякие голодные возжелания, толчея ресторанов, шум автомобилей, сливающийся со свистками трамвая, все эти московские зловония, дореформенные и пореформенные, весь этот муравейник людей, нуждающийся во власти, в руководстве и иногда в благоволении...

Так описывал современную ему Москву граф С. Д. Шереметев.

В этом суетливом, изменчивом течении жизни было что-то постоянное, стабильное. Москва чувствовала себя цитаделью общественности. Она ощущала дистанцию, отделявшую ее от правительственных сфер, а значит, от столицы. Дистанция измерялась не только в верстах, но в стиле поведения и даже мысли. По оценке публициста А. П. Мертваго, не стеснявшегося нещадно критиковать вторую столицу, москвичи были во многом смелее петербуржцев: они не боялись новых стилей в архитектуре, новых инициатив в торговле, новых идей в науке. «Москва вырабатывает русскую мысль», – подчеркивал К. С. Аксаков.

Впрочем, не одну мысль, а много разных и не похожих друг на друга. По воспоминаниям общественного деятеля, депутата Государственной Думы от октябристов Э. П. Беннигсена, московское общество конца XIX века делилось на три группы: стародворянское, купеческое и интеллигентно-чиновное. В первой было мало молодых людей. Те предпочитали устраиваться в столице. Однако старые дворянские усадьбы продолжали оставаться центрами общественной жизни.

В особняках на Поварской и Малой Никитской и в громадном лабиринте переулков, связывавших Поварскую, Малую Никитскую, Арбат и Пречистенку, ютился совсем особый мирок, в котором, несмотря на все глубокие социальные метаморфозы, развернувшиеся со времени падения крепостного права, свято сохранялись различные обычаи дворянской старины. Геральдические львы на воротах большого двора, в глубине которого располагался барский особняк с разными надворными службами, – как бы заранее предупреждали своим видом всякого приходящего, что, преступив порог этого дома, он сразу шагнет на несколько десятков лет назад в, казалось бы, отжитое прошлое. Там найдет он большие залы со старинными диванами и креслами, с громадными люстрами, с хорами, на которых помещается оркестр во время балов; большие библиотеки, наполненные нарядными изданиями XVIII века; многочисленную прислугу – пережиток старинной дворни; величавых старух, по-королевски восседающих в пышных креслах в окружении своры комнатных собачек; визитеров во фраках и мундирах, являющихся аккуратно по всем праздничным дням приложиться к пергаментной руке такой величавой старухи.

Обитатели усадеб собирались в дворянском собрании, где фрондировали Петербургу. Купечество было деятельным и влиятельным, но сравнительно малочисленным. Оно мало походило на деловых людей в описании А. Н. Островского. Это были «джентльмены», меценаты, политические фрондеры, библиофилы, декаденты. Особая роль принадлежала третьей группе, которая знаменовала собой неразрывную связь правительственных сфер и оппозиционной общественности.

Москва была центром притяжения всей земской России. Во вторую столицу стремились деятели местного самоуправления всех центральных (и не только) губерний. Сюда съезжались

на заседание кружка «Беседа» земцы из Орла, Саратова, Самары, Пскова, Рязани, Тулы, Владимира, Ярославля, Твери, Тамбова, Курска. Здесь проводились земские съезды. Председатель московской губернской земской управы Д. Н. Шипов был ключевой фигурой всего земского движения конца XIX – начала XX века. Ведь земская Россия тоже была властью. У органов самоуправления был свой круг полномочий, свой бюджет. В их деятельность были вовлечены авторитетные представители общественности, видные публицисты, литераторы, университетские профессора, государственные мужи, гвардейские офицеры. Многие земцы имели прочные связи с правительством, были издателями журналов и газет, оказывавших непосредственное влияние на общественное мнение. Некоторые из них были ключевыми фигурами в своих уездах и губерниях. Например, таким был граф П. А. Гейден. По словам князя Б. А. Васильчикова, «его Опочецкий уезд ходил у него по струнке, и он был там в полном смысле слова „хозяином“, и все дела решались так, как хотел „Граф“». Такое можно было сказать о многих предводителях дворянства, которые смотрели на Москву, отдавая ей предпочтение перед Петербургом.

ЗЕМЦЫ

Весной 1881 года Б. Н. Чичерин делился с приятелем впечатлением о жизни в имении. Его поражало видимое отсутствие государственной власти в деревне. Он явственно ощущал, что правительства в России нет. Оно присутствовало в столицах, может быть, в губернских городах. Все остальное сцеплялось вместе исключительно силой привычки. «И если мы живем, то единственно милостью Божьей». Это в том числе придавало огромное значение органам местного самоуправления, благодаря которым Россия и представляла собой единое целое. Спустя двадцать лет, в частной беседе с графом П. С. Шереметевым, Чичерин объяснял молодому коллеге:

Если вообще нужно самоуправление, то нам, в России оно нужно вдвое. Какой остается другой путь – выразить свои мысли? В других государствах есть другие виды выражения их, а у нас именно самоуправление.

Кто же представлял органы самоуправления, и прежде всего земство? Ответ на этот вопрос вполне очевиден: поместное дворянство. Помещики составляли около 90% земских собраний. Чаще всего речь о богатых землевладельцах, крупных помещиках (среди земских гласных таковых было 60%). Это наблюдение вполне обоснованное, но недостаточное. В работе земства участвовали не просто помещики, а наиболее активные из них, готовые пожертвовать временем, потратить силы ради разрешения губернских или уездных проблем. При этом они должны были обладать определенной выучкой, знаниями, представлять себе механику бюрократического аппарата. Хотя бы этой причине не удивительно, что среди земских гласных было немало лиц с чиновничьим прошлым или даже настоящим (около 80%). 20% принадлежали к «высшим этажам» российской бюрократии или армии: это были тайные советники, действительные статские советники, генералы и полковники. Представителей гражданской службы было больше, чем военных.

Традиционное размежевание земства и правительства вполне объяснимо. Сами деятели местного самоуправления разводили «своих» и «чужих», земцев и высокопоставленных бюрократов. По словам графа Д. А. Олсуфьева, «в Москве Долгоруковы, Самарины, Трубецкие, Голицыны, Уваровы, Бобринские, Львовы просто, Львовы князя – все учились в университете, а среднюю школу проходили в казенных или частных гимназиях. Конечно, среди этой молодежи были и более правые, и более левые, но это – оттенки. Общее же им всем отношение к бюрократической карьере было тогда определенно отрицательное. Их привлекала общественность: они дали кадры так называемых общественных деятелей». Однако все же это противостояние существовало скорее как идея. На практике дело обстояло сложнее. Многие сановники империи активно участвовали в работе органов самоуправления и не видели в этом ничего предосудительного. В земских собраниях заседали министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, министр государственных имуществ и земледелия А. С. Ермолов, министр путей сообщения князь М. Л. Хилков, член Государственного совета князь Л. Д. Вяземский, попечитель Московского учебного округа граф П. А. Капнист, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Ф. М. Дмитриев, директор Государственного банка Е. И. Ламанский, будущий председатель Государственного совета Д. М. Сольский, сенаторы Н. С. Таганцев, М. Н. Любоцинский, М. В. Красовский и многие другие. Правда, не у всех высокопоставленных бюрократов это выходило. Им предстояло еще заслужить доверие местного общества. Так, граф Д. А. Толстой в 1880 году, будучи еще министром народного просвещения, баллотировался на должность гласного Московского земского собрания, однако москвичи ему в этой чести отказали. Чиновники шли в земство. Имела место и обратная тенденция: земцы шли в чиновники. Именно из земской

среды довольно часто назначались губернаторы и вице-губернаторы. Это регулярно происходило и до 1905 года, и после.

Одновременно с тем земцы – это ведущие журналисты многих периодических изданий. В газете «Русские ведомости» и журналах «Русская мысль», «Вестник Европы» тон задавали представители либерального крыла земства. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» сотрудничали такие видные земцы, как князь П. Д. Долгоруков, А. В. Еропкин, князь Д. Д. Оболенский, А. Д. Поленов, А. А. Стахович, князь М. Н. Шаховской и др. В «Новом времени» это были С. С. Бехтеев, К. Ф. Головин, А. И. Новиков, Д. Ф. Самарин, С. Ф. Шарапов и др. Приблизительно то же самое можно сказать о самых разных изданиях, принадлежавших к различным направлениям мысли. Все это весьма красноречиво свидетельствовало об участии земцев в формировании общественного мнения, повестки общенациональной дискуссии.

Уровень образования земцев был довольно высоким. 88% имели среднее или высшее образование. При этом в каждой губернии были свои особенности. Так, в Тверской губернии у большинства земцев было высшее образование.

Работа в земстве относительно неплохо оплачивалась. Председатель губернской земской управы в среднем получал жалованье в размере 3,5 тыс. руб. Председатель уездной управы – 1,2 тыс. Член управы – около тысячи руб.⁴

Земцы – это активные, богатые, влиятельные люди, зачастую имевшие связи в столице, иногда сами трудившиеся на ниве государственной службы. При этом с 1880-х годов они чувствовали нарастающее административное давление. В 1890 году было утверждено новое Земское положение, воспринятое крайне болезненно всеми, кто был так или иначе связан с органами местного самоуправления. В 1892 году начала работать правительственная комиссия, обсуждавшая перспективы участия земства в деле народного просвещения. В 1893 году был принят закон о новых правилах оценки недвижимости при взимании земских сборов. В том же году был введен новый больничный устав, регламентировавший деятельность земской медицины. В 1894 году было установлено правило, согласно которому члены училищных советов должны утверждаться администрацией. В 1900 году «Временными правилами об установлении предельности земского обложения» были ограничены финансовые возможности земства. Правительство наступало мелкими шажками, которые мало что меняли, но вызывали сильное и, что важнее, нарастающее раздражение в земской среде.

Та, в свою очередь, «сосредотачивалась» и искала возможности для самоорганизации. Было похоже, что у правительства зрел план упразднить земство вовсе. Губернское земство скоро исчезнет, лучшие независимые люди уйдут из земства, о чем 19 марта 1900 года скажет В. И. Вернадскому тамбовский губернский предводитель дворянства К. Н. Чолокаев. 18 июля того же года председатель Московской земской управы Д. Н. Шипов сообщил старому другу М. В. Челнокову, что самостоятельность земских учреждений находится под угрозой и что их представители должны открыто выступить в защиту своих прав и полномочий. Приблизительно о том же писал сыну тверской землец со всероссийской известностью И. И. Петрункевич: местное самоуправление на грани гибели; министры С. Ю. Витте, Д. С. Сипягин, К. П. Победоносцев развернули на него атаку, и теперь вряд ли кто-нибудь сумеет им противостоять. Три года спустя, в декабре 1903 года неизвестный тверич напишет своей знакомой:

Земство замирает. Оно катится по наклонной плоскости, и никакие силы не спасут его от гибели. Внутренней силой оно не обладает, а надеяться на какие бы то ни было реформы в этом отношении нет никаких оснований. Мир праху твоему, русское самоуправление.

3 ноября 1900 года В. И. Вернадский записал в дневнике:

⁴ Оклад губернатора колебался от 5 до 8 тыс. руб. в год.

Действительно, рамки жизни рушатся – рамки общественной жизни. Политическая роль земства постепенно сглаживается, а сама идея самоуправления оказывается несовместимой с государственной бюрократической машиной. Оно и занято, т. к. ясно проникло [в] огромные слои русской жизни сознание необходимости политической свободы и возможность достигнуть ее путем развития самоуправления. Вероятно, земство должно быть уничтожено, т. к. при таком общественном сознании и настроении не может быть достигнуто устойчивое равновесие, ибо самоуправление должно расширяться или постепенно гибнуть в столкновении с бюрократией.

Все или ничего – заявлял Вернадский: торжество бюрократии может предотвратить лишь торжествующее земство. «Антиземской» программе правительства необходимо противопоставить альтернативную программу, которая предполагала бы повышение значимости органов местного самоуправления в политической жизни страны.

Земство оказалось в двойственном положении. С одной стороны, оно противопоставляло себя правительственной администрации. С другой – именно оно и было властью на местах. Его настроения, взгляды в каждой земской губернии были важным обстоятельством общественного и даже политического характера. Поместное дворянство было разным. Оно имело свои особенности в каждой губернии. Считалось, что дворянство северных губерний было более либеральным, чем в центральных и южных. По наблюдениям общественного и политического деятеля, будущего октябриста и депутата Думы Э. П. Беннигсена, эта тенденция давала о себе знать даже в отдельных губерниях: так, северные уезды Новгородской губернии были либеральнее южных. Конечно, это деление в высшей степени условное. Лишь в редких случаях речь идет о системе представлений, ясном понимании собственных идеологических предпочтений. По большей части деление на консерваторов и либералов скорее эмоционально выстраданно, чем идейно осознанно. Речь идет не о разных концепциях и программах, а о разном настроении на дворянских собраниях. Северное дворянство чаще всего было беднее южного. Многие его представители не продавали имений только для сохранения ценза, который позволял им участвовать в земских и дворянских выборах.

Дворянство разных губерний по-своему понимало задачу предводителя. Тем не менее проблема была общей: предводитель дворянства представлял власть императора в уезде, не будучи чиновником, не всегда обладая необходимой квалификацией, не имея возможности опереться на столь нужный чиновничий аппарат. Дефицит управленческого инструментария можно было попытаться компенсировать личной инициативностью. Однако так редко получалось. По оценке весьма опытного государственного деятеля начала XX века С. Е. Крыжановского, половина предводителей справлялись лишь с половиной своих обязанностей. Около трети вообще текущим управлением не занимались. Некоторые проживали в губернских городах или столицах и редко навещали подотчетные уезды. Очерченных властных prerogativ у предводителя не было. Полномочия складывались по ходу дела. Разумеется, имелись и формальные обязательства предводителя дворянства. Прежде всего, он председательствовал в коллегияльных учреждениях. Э. П. Беннигсен, будучи предводителем дворянства в Старой Руссе, возглавлял 13 подобных коллегий. Правда, некоторые из них существовали только на бумаге. Однако целый ряд таких учреждений решал действительно важные общественные задачи. Так, на уездном съезде утверждались крестьянские приговоры, рассматривались жалобы на решения городского судьи, земских начальников и волостных судов. Предводитель дворянства имел право ревизовать деятельность земских начальников и волостных правлений, что, правда, редко делалось. Беннигсен все-таки решился провести ревизию, что позволило ему в деталях рассмотреть тот фундамент, на котором стояло здание российской государственности.

Прежде всего, это было волостное правление, ключевой фигурой которого был писарь. Его было принято ругать. Можно было потешаться над ним – над его малограмотностью, наивностью, а иногда корыстностью, – чего он вряд ли в полной мере заслуживал. Конечно, были случаи злоупотреблений. Но было и другое: большая делопроизводственная работа, которую вели писари за жалованье в 20–30 руб. в месяц. Можно было рассчитывать и на дополнительные заработки: за написание прошений, например. Однако это не меняло сути дела: доходы лиц, на которых стояла российская государственность, были невелики. При этом о многих писарях население отзывалось исключительно благожелательно. С волостными старшинами дело обстояло сложнее. Большинство из них принадлежали к кулачеству. Часто они не отличали свои интересы от общественных и, как правило, не вызывали крестьянских симпатий.

Собственно государственных служащих в уезде было чрезвычайно мало. В первую очередь их представляла малочисленная полиция. Например, в начале XX века в Старорусском уезде проживали 200 тыс. чел. На них приходилось 30 городских, 4 станковых пристава, 15 урядников. Был дефицит и в жандармах. На огромную Новгородскую губернию приходилось 3 жандармских офицера и около десятка унтер-офицеров.

В условиях дефицита бюрократии земство и дворянские собрания – это не «пятое колесо в телеге» российской государственности, а важный и необходимый ее элемент, своенравный и недовольный – причем не без основания.

Земская работа имела под собой деловую основу. Это социокультурная среда, объединявшая людей, говоривших приблизительно на одном языке, на котором, правда, они могли отстаивать разные, подчас противоположные идеи. Она объединяла непохожих людей. Земство не было политической партией. Принадлежность к нему отнюдь не подразумевала клятву верности общим политическим принципам. Однако из этого не следует, что органы местного самоуправления не могли быть вовлечены в политику. Они включились в нее, но по-своему. Земцы разных взглядов, разных «мастей» были готовы защищать свои корпоративные интересы. Они вовлекались в политику в известном смысле поневоле. Это был тот случай, когда политика приходила к ним в дом, а не они приводили ее.

Отчасти это объясняет идеологическую рыхлость, характерную в том числе для сложившегося в ходе Первой революции «Союза 17 октября», главной партии земского движения. Эта среда не стремилась к программной монолитности, которая едва ли была достижимой, и существовала по законам отнюдь не партии, но социального организма.

Впоследствии в Государственной Думе были представлены разные партии и объединения, сословия и социальные группы, конфессии и национальности. Это непременно учитывается при анализе депутатского корпуса. И все же есть показатель, значащий не меньше всех выше названных, о котором обычно забывают: многие депутаты были членами органов местного самоуправления – земств и городских дум. В Третьей Думе таких народных избранников было 229 (47%) из 485. Причем в некоторых фракциях процент был выше: среди прогрессистов – 52%, правых октябристов – 55%, октябристов – 75%, независимых националистов – 88%. В Четвертой Думе деятелей органов местного самоуправления было еще больше. Они составляли более половины фракции кадетов (25 из 49), 47% Группы правых, 59% прогрессистов, 60% русской национальной фракции и 61% националистов-прогрессистов, 79% правых беспартийных, 83% членов фракции центра, 88% земцев-октябристов и 92% группы «Союза 17 октября». Эти показатели тем более значимы, если иметь в виду существование особой земской «субкультуры», у представителей которой были собственные интересы и собственное видение будущего России.

ДРОЖАЩАЯ ЗЕМЛЯ

Ощущение зыбкости социальной «почвы» было свойственно и России, и всему Старому Свету на протяжении всего «долгого» XIX столетия, которое и не думало заканчиваться в 1901 году. Общество в значительной части оставалось традиционным. Оно держалось за привычный уклад жизни. С каждым годом это становилось сложнее. Быт менялся на глазах, что сказывалось на всех сферах деятельности. Пока еще живая традиция стремительно устаревала, что само по себе способствовало возникновению конфликтов. В течение XIX века в европейской деревне вскипали волны возмущения: в Апулии и Калабрии – во имя святой веры и против местных якобинцев; в Кастилии и Арагоне, в Леоне и Наварре – против испанских либералов; в Тироле – во имя императора Священной Римской империи и церкви. В индустриализации видели угрозу привычному порядку и народной нравственности, что имело определенные основания. Бывший крестьянин, не всегда удачно приспособившийся к городской жизни, нередко предавался пьянству. Так было и в Англии, и в Германии, и в России. Городской быт был сопряжен со многими рисками: например, массовыми эпидемиями. После частых неурожаев наступал голод. Этот мир не был стабильным. Он подразумевал постоянное напряжение, а значит, конфликты. Это было естественным и неременным – наподобие явлений природы. Крестьянские волнения, рабочие движения, выступления ремесленников происходили во Франции в течение всего XIX века. Европейская деревня периодически переживала голодовки, которые оборачивались волнениями и даже восстаниями. Волны сходили на нет, обращались в зыбь на воде, если правительство, уверенное в себе, а главное – в своем праве на власть, так или иначе восстанавливало прежний порядок. Трудно решаемые проблемы возникали тогда, когда происходил почти одномоментный распад управленческой вертикали.

С началом XX века на политических просторах России были все более различимы сполохи будущего 1905 года. Его ждали как плату за четверть столетия мнимого спокойствия, когда казалось, что история замерла, совершила свой последний оборот, достигнув предела возможного. Но земля дрожала под ногами... В январе 1903 года у военного министра А. Н. Куропаткина собралось совещание по вопросу о воинской повинности. Председательствовал министр внутренних дел В. К. Плеве. После заседания он сообщил Куропаткину, что ожидал аграрные беспорядки в Полтавской, Воронежской и, может быть, даже в Саратовской губерниях. По мысли министра внутренних дел, там следовало использовать войска. Он был настроен решительно и полагал необходимым прибегать к самым суровым репрессивным мерам. Также он просил направить воинские части в Вятку, ожидая беспорядки и там. В беседе с Куропаткиным 1 апреля 1903 года Плеве высказывал беспокойство о состоянии Ростова и Кубани. Кроме того, он полагал необходимым как можно скорее сформировать конную полицию на Урале. Плеве напоминал, что не так давно произошли беспорядки в Златоусте. Было много убитых и раненых. Министр спрашивал, можно ли обеспечить войска пулями менее «убийственными», чем сейчас. Плеве не был алармистом среди олимпийского спокойствия сановников-небожителей. Предчувствие скорой катастрофы было у многих. 24 июля 1903 года Куропаткин обедал у С. Ю. Витте. Компанию составил министр юстиции Н. В. Муравьев. И Муравьев, и Витте предсказывали скорые беспорядки и потоки крови. Обвиняли в этом Плеве, его цинизм и бестактность.

Полтора года спустя, уже после Кровавого воскресенья, сановники обсуждали недавние события, их причины и последствия. Не было сомнений, что произошедшее было следствием общественного брожения, начавшегося сразу после убийства В. К. Плеве 15 июля 1904 года. Масштаб событий был поразителен. Но что они собой представляли? Министр финансов В. Н. Коковцов попытался обобщить опыт последнего полугодия. Он выделял три проблемы: революционные погромы, рабочий вопрос и общественное движение, которое заяв-

ляло о себе в публикациях прессы и резолюциях дворянских собраний. Первая не вызывала колебаний. Революционные эксцессы следовало подавлять. Их участников – наказывать. Рабочий вопрос надо было решать системно, по мере возможности удовлетворяя чаяния фабричных. Как ни странно, Коковцов особо выделял третью проблему. Она казалась ему наиболее сложной. Земцы представлялись опаснее рабочих и даже профессиональных революционеров. Трудно угодить дворянским собраниям в условиях военного времени. С такой постановкой вопроса вполне соглашался товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново: «Смуту, как революцию, не делает толпа, а лишь образованный класс». Их рассуждения поддерживал С. Ю. Витте. Он воспроизводил заметно упрощенную славянофильскую логику. По его мысли, царь основывал свою власть на поддержке широких народных масс, чьи интересы он никак не мог игнорировать. Они, в свою очередь, были искренне преданы идеалам самодержавия. Если вдруг будет провозглашена конституция, настанет время белого террора, который учинят сами рабочие. Сановники описывали процесс, который только набирал ход. Они не представляли себе характер и масштаб явления. Могли только догадываться.

О событиях воскресенья 9 января 1905 года знали заранее, 7 и 8 января. Многие уезжали из города. На Финляндском вокзале было настоящее столпотворение. Ситуация усугублялась тем, что 7 января забастовала электрическая станция. В итоге не работали трамваи, театры и кино. Многие рестораны были закрыты. Петербург был погружен во тьму. 8-го утром министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский был у военного министра, договаривался о переброске войск в столицу. В тот же день было совещание у министра внутренних дел, на котором присутствовал начальник штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа генерал Н. Ф. Мешетич и градоначальник И. А. Фуллон. Обсуждался план дислокации войск. Чуть позже состоялось совещание министров, на котором, кроме Святополк-Мирского, присутствовали министр юстиции Н. В. Муравьев, министр финансов В. Н. Коковцов, товарищ министра финансов В. И. Тимирязев, товарищ министра внутренних дел К. Н. Рыздзевский и др. Стало известно, что к Мирскому отправилась делегация общественности, в том числе Максим Горький, историк Н. И. Кареев, юрист и литератор К. К. Арсеньев и др. Министр принять их не мог – вечером у него была назначена аудиенция у императора. Встретить делегацию поручалось Рыздзевскому. Министр вернулся около одиннадцати вечера. Он с трудом добрался до дома, так как у Царскосельского вокзала стояла большая толпа. Кто-то пустил слух, что император должен вернуться в столицу, и некоторые петербуржцы его поджидали. Святополк-Мирский сообщил своим сотрудникам, что вся ответственность за события предстоявшего дня ложилась на военное командование.

С утра по городу передвигались войска: кавалерия, пехота, казаки, походные лазареты, кухни. Рабочие двинулись к центру города с разных сторон. К 12 часам дня более 15 тысяч человек оказались в Невском районе. После некоторых пререканий по толпе был дан залп, и казаки с нагайками разогнали толпу. У Нарвских ворот рабочих было заметно больше: около 30 тысяч. Во главе демонстрации шел сам Гапон. Там тоже раздался залп. Были убитые и раненые. Гапон бросился через огороды к Воскресенскому женскому монастырю, на кладбище. Особенно много жертв было в самом центре города, в Александровском саду. Первый залп был дан поверх голов. Это были боевые заряды из ружей, предназначенных для стрельбы по дальним целям. В итоге пострадали горожане, случайно оказавшиеся рядом. Погиб швейцар Александровского лицея, ставший жертвой собственного любопытства. Ему хотелось посмотреть на происходящее. Убили женщину, переходившую с ребенком улицу. Это произошло в двух верстах от места стрельбы. Попал под обстрел С. Ю. Витте, вышедший на балкон своего дома. Пули пролетели прямо над ухом.

Стрельба была и на Васильевском острове у Николаевского моста. И там были раненые и убитые. На острове хозяйничали хулиганы, которые бесчинствовали весь день. На Четвер-

той линии были построены баррикады, развевались красные флаги. Был захвачен оружейный магазин. Его содержимое разошлось по городу. Здесь порядок приходилось наводить силой, а баррикады буквально брать штурмом.

Невский проспект был запружен народом. Там было более сотни тысяч людей. Ими никто не руководил, но они шли к центру города, к Дворцовой площади. Литератор С. Р. Минцлов решил выйти посмотреть, что происходит. Он шел по Кирилловской улице, по которой валила с ближайших фабрик толпа. Казаки вынудили ее разойтись. Минцлов с приятелями свернул на боковые улицы. На Суворовском проспекте стояли отряды драгун. Перекрестки Невского охраняли пешие и конные заставы. Они развели костры и плясали вокруг них, спасаясь от холода. На 1-й Рождественской улице были устроены походные кухни. Минцлов взял извозчика и направился к Адмиралтейству. Экипажей было много, они плелись друг за другом. Минцлов отпустил извозчика рядом с аркой Главного штаба и пошел в сторону Дворцовой площади, с трудом протискиваясь сквозь плотную толпу. Площадь была совершенно пуста. Только у дворца стояли войска. Выезды охраняли конногвардейцы. Минцлов решил направиться к Миллионной. Оттуда раздавались крики. Эскадрон обнажил палаши и поскакал в ту сторону. Минцлов только завернул за угол Невского. Позади раздались вопли. Извозчики, экипажи опростомелью поскакали с Морской. Минцлов вжался в стену дома. Мимо него неслась толпа. Конногвардейцы расчистили арку и самое начало Морской улицы. Минцлов дошел до Полицейского моста. Тут раздался залп, затем другой. «Холостыми, холостыми палят», – заговорили кругом. Но стреляли не холостыми. На набережной Мойки было много рабочих. Раздавался свист и крики. Минцлов шел к Марсовому полю. За ним раздался крик. Кавалерия бросилась на мост. Толпа кинулась врассыпную.

Первой стреляла рота Преображенского полка, которой командовал капитан Н. Н. Мансуров. По его словам, это было вызвано тем, что толпа напирала на строй солдат, осыпая их оскорблениями. Следующий залп был дан Семеновским полком у Полицейского моста рядом с дворцом Строгановых. Люди бросились бежать по Мойке.

К 8 вечера начальник канцелярии министра внутренних дел Д. Н. Любимов торопился на квартиру Святополк-Мирского. Как раз тогда от министра уходили Лопухин и Рыдзевский, которые шли готовить всеподданнейший доклад и правительственное сообщение. У министра сидел директор Департамента общих дел Э. А. Ватаци. Сам Мирский ходил по кабинету и курил. Спросил, видел ли кто-либо градоначальника Фуллона. Его не могли найти уже два часа. К девяти часам приехал командир первого армейского корпуса барон Ф. Е. Мейендорф, а также начальник штаба округа генерал Мешетич. Спустя некоторое время прибыли Дурново, а также начальник штаба жандармов В. А. Дедюлин. Ждали Фуллона. Его имя вызывало только раздражение. Наконец, вошел и он, еле передвигая ноги. Постарел буквально за один день. Он не мог приехать раньше, так как был на Васильевском острове, где разворачивались драматические события. Там пришлось штурмовать баррикады. Потом заехал домой, чтобы написать прошение об отставке. Воцарилось молчание. Святополк-Мирский попросил всех сесть. Министр спрашивал, кто дал приказ о стрельбе. Фуллон сбивчиво объяснял, что был лишен возможности что-либо решать. Стрельба происходила в разных частях города. Решение принимали военные власти. П. Н. Дурново видел ошибку в том, что были вызваны пехотные части. Следовало ограничиться кавалерией и казачьими частями, которые могли разогнать толпу нагайками. Это замечание возмутило Мешетича. Вызванные воинские части обладали всем разнообразием вооружения. Они были дислоцированы в соответствии со сведениями градоначальника. «Что же касается стрельбы, то это неизбежное следствие вызова войск. Ведь не для парада их вызывали?» Пока шло обсуждение, в кабинет вошел курьер и доложил, что прибыл московский обер-полицмейстер генерал Д. Ф. Трепов. Любимов вышел в приемную. Там у окна стоял Трепов в парадной форме. Он официальным тоном произнес: «Прошу вас,

несмотря на заседание, сейчас же доложить министру внутренних дел, что по высочайшему повелению к нему прибыл санкт-петербургский генерал-губернатор».

Утром следующего дня город был запружен войсками. Былолюдно, но спокойно. На Большом проспекте Петербургской стороны магазины и винные склады были разграблены, торговля прекращена. Окна были закрыты щитами. Так было на некоторых улицах столицы. Вечером не было электричества. Тьма стояла кромешная. Порой грабили магазины. «Невский темен и мрачен, как гроб; нигде ни фонаря, ни освещенного окна; панели полны стоящим народом; киоск на углу исковеркан». 11 января жизнь города постепенно входила в привычное русло. Конечно, оставались знаки времени: разбитые окна, сожженные киоски, а иногда даже пятна крови. Оставалось чувство тревоги. Ходили бесчисленные толки о том, что было и что будет. В магазине Невского стеаринового товарищества толпились люди, запасались свечами.

Дальнейшие волнения в сознании современников не вполне складывались в революцию. Они смотрелись скорее прелюдией. Решающих событий только ждали. Стачечное движение шло волнами, которые, даже спадая, были неизмеримо выше, чем раньше. В январе бастовало 444 тысячи человек, в феврале – 293 тысячи, в марте – 73 тысячи. После 12 января столичные заводы постепенно возвращались к работе. Пока стачечное движение имело очаговой характер. Разумеется, оно охватило Санкт-Петербург. В Москве оно не получило широкого распространения. Центральная Россия по большей части пока молчала. Заволновались прибалтийские губернии, Царство Польское, Поволжье.

Региональные власти были готовы на значительные уступки местной общественности. 19 марта 1905 года граф И. И. Воронцов-Дашков, недавно назначенный наместником на Кавказе, беседовал с другом В. А. Старосельским, будущим кутаисским губернатором, а спустя некоторое время членом фракции большевиков РСДРП. Воронцов-Дашков обрисовал программу своих ближайших действий:

Политика на Кавказе будет направлена всецело на умиротворение края путем неотложного введения самоуправления, суда присяжных и проч., и ряда аграрных и других реформ в области местной жизни. Политика Голицына будет отмечена совсем. Все национальности для графа равны и одинаково дороги, и пробудившееся в них самосознание и национальное чувство граф считает вполне нормальным и симпатичным явлением. Он желает быть строгим к администрации и мягким к народу. Все реформы, которые будут даны России, немедленно будут распространены на Кавказ и учреждение наместничества ни на йоту не затормозит развитие края.

В апреле 1905 года будущий министр народного просвещения, а пока попечитель Варшавского учебного округа А. Н. Шварц жаловался С. И. Соболевскому на малодушие столичных властей: «Всякое решительное твердое мероприятие для водворения порядка осуждается; всякому праздному – болтуну предоставляется полная свобода противодействовать порядку. Даже гимназистов боятся! И Министерство [народного просвещения] более всех!» Высокопоставленный чиновник Министерства внутренних дел А. А. Шульц только вернулся из поместья, которое располагалось в центральной черноземной губернии. Он живописал крестьянские беспорядки. Главным агитатором был управляющий удельного имения. Возник логичный вопрос: почему Шульц не сообщил об этом министру двора? «Вы ошиблись адресом. Я пока еще не поступил в шпик». И это притом, что по своим взглядам Шульц был крайне правый. Тогда было модно слыть оппозиционером. В оппозиционные политические объединения записывались высокопоставленные чиновники, в том числе сотрудники министра внутренних дел. Председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России Н. С. Авдаков объяснял знакомым: «Поверьте мне, что я не могу быть на стороне правительства. Ведь я армянин, которых правительство преследует, и потому я могу в глубине души быть только

врагом правительства». Два месяца спустя, когда положение правительства заметно упрочилось, взгляды Авдакова драматически переменялись.

События 1905 года разворачивались на фоне Русско-японской войны. Разумеется, неудачи на Дальнем Востоке больно били по авторитету правительства. Однако проблема заключалась отнюдь не только в этом. Армия на окраинах империи не могла быть инструментом репрессивной политики. Наконец, имели место трудности, дававшие о себе знать и в мирное время. Управление армией не отличалось отлаженностью. Военный министр часто сталкивался с сопротивлением со стороны командующих округами. В период министерства П. С. Ванновского эта проблема решалась благодаря тому, что сам руководитель ведомства пользовался доверием Александра III. Однако и в этом случае Санкт-Петербургский военный округ во главе с великим князем Владимиром Александровичем и Варшавский, которым управлял И. В. Гурко, мало зависели от министра. При А. Н. Куропаткине «эмансипировались» Московский и Киевский округа. При В. В. Сахарове ситуация еще ухудшилась. С этой проблемой столкнулся и А. Ф. Редигер летом 1905 года, заняв пост военного министра. Иными словами, армия не была в полной мере послушным орудием в руках правительства.

При этом военные части, оставшиеся в Европейской России, были заметно ослаблены. Офицерский состав был случаен, нижний – набирался из запасных. Отчасти по этой причине и в армии происходило брожение, которое охватывало все общество. Осенью 1905 года с Дальнего Востока преимущественно возвращались запасные части, которые сами по себе представляли опасность. Для подавления беспорядков приходилось вызывать особые казачьи подразделения. Дезорганизация охватила значительную часть армии, пожалуй, за исключением кавалерии и гвардии. По оценке А. Ф. Редигера, это во многом была заслуга великого князя Владимира Александровича. Он допускал перевод гвардейских офицеров на Дальний Восток лишь при том условии, что в гвардию они не вернуться. Впоследствии, в ноябре, министерству пришлось принимать срочные меры: по возможности увеличить содержание рядового состава, находившегося в бедственном положении; распустить запасных, которые сами по себе становились фактором нестабильности.

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ

1905 год был и остается загадкой для историков. Озадачил он и современников, которые были обескуражены калейдоскопической сменой политических декораций. Прежний спектакль был завершен. Начался новый, но никто не знал, о чем он и как называется. Во всеподданнейшем докладе от 9 октября председатель Комитета министров С. Ю. Витте писал о понятии «свобода», которое стало краеугольным камнем всего общественного движения. Под свои рассуждения Витте подвел особую правовую теорию. По его мысли, гражданская свобода лежит в основании любого государственного уклада. Государство потому и необходимо, что оно ограничивает сильного и защищает слабого. Мир без государственной власти – это великое множество тираний, это дикий лес, где есть свобода быть съеденным сильнейшим. Учреждая государство, человек защищает подлинную свободу. Однако, как это часто случается, форма отрывается от содержания. Она становится самоцелью, подчиняя себе все вокруг. О свободе почти забывают. Но все же она периодически напоминает о себе:

Если форма, ставшая внешним фактом, своей реальной силой не дает ей гореть во все блеске, она теплится, как раскаленный уголь в груди золы. Повеет ветром – уголь вспыхнет ярким пламенем. Пойдет дождь – он снова будет мерцать едва заметно до новой вспышки.

Витте подводил своего августейшего читателя к мысли о неминуемости радикального политического разворота. Он обусловлен всем ходом русской истории, коренится в глубоком прошлом Новгорода, Пскова, запорожского казачества, низовой вольницы Поволжья, церковном расколе, выступлениях против политики Петра Великого, в движении декабристов...

Игнорируя общественные чаяния, власть способствует их радикализации. Витте называл это «идейной революцией».

Общественная мысль поднялась над землей и безудержно рвется в облака. Еще и года не прошло, когда требование всеобщего избирательного права принадлежало одним наиболее крайним элементам. Теперь нет союза или газеты, которые бы его не выставляли.

Стремительная радикализация общественных настроений должна была вывести политическую систему из равновесия. Следовало решительно действовать, пока это не произошло, пока инициатива принадлежала правительству, пока положение в стране оставалось более или менее управляемым. Это не могло продолжаться вечно. Общество требовало все больше. Спустя короткое время оно могло поставить вопрос о существовании России как таковой. Лидерство перехватывали радикальные элементы, которые не были готовы к сотрудничеству с правительством и видели свой успех в искоренении противника.

Главная проблема заключалась в том, что правительство не имело права игнорировать общественные настроения. Не стоило полагаться на народное сочувствие. Широкие массы пассивны, а общественность активна и ее слово в итоге окажется решающим. Так случилось в 1881–1882 годах. Тогда произошел консервативный разворот в общественной мысли и настроениях. На новом этапе подобные метаморфозы были немыслимы. Отложенный вопрос политического прогресса требовал решения. Каждый день отсрочки усугублял ситуацию. Требования оппозиции только возрастали. Пока не настал хаос, стоило согласиться на конституцию. Витте убеждал царя, что она могла быть совместима с самодержавием. Правительство не должно было на этом останавливаться. Ему следовало пойти дальше – путем социальных реформ, задумавшись о рабочем, аграрном, окраинном вопросе.

Вечером 9 октября С. Ю. Витте отплыл на пароходе в Новый Петергоф. Его принял император, перед которым были обрисованы две перспективы: диктатура или конституция. Председатель Комитета министров подталкивал царя ко второму решению. Себя же видел главой правительства, оговаривая за собой право формировать кабинет по своему усмотрению, в том числе с участием общественных деятелей. На следующий день Витте вновь в Петергофе. Он повторил все то же – но в присутствии не только императора, но и императрицы. 13 октября Витте получил депешу от царя, в которой говорилось о его назначении председателем Совета министров, но ничего – о политических преобразованиях. При таких обстоятельствах Витте не собирався принимать назначение. В свою очередь Николай II не хотел соглашаться с навязываемой ему программой. Подготовленный Витте проект следовало еще обсудить.

14 октября столица не освещалась. Железные дороги не работали. На квартире Витте состоялось совещание. На нем присутствовали военный министр А. Ф. Редигер, генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов, министр путей сообщения князь М. И. Хилков. Обсуждался вопрос о восстановлении железнодорожного движения. Трепов объяснил, что в столице хватит военных сил для обеспечения порядка. Однако их недостаточно для того, чтобы гарантировать сообщение между Петербургом и Петергофом. Основные военные силы – за Байкалом.

В тот день погода была скверная. Шел снег с дождем. Пароход, на котором Витте плыл в Петергоф, качало из стороны в сторону. Компанию председателю Комитета министров составлял помощник управляющего делами этого учреждения Н. И. Вуич. Они вдвоем перечитывали текст доклада, говорили о необходимости принять хоть какое-то решение. Причалив к берегу, Витте немедленно отправился к императору. Пробыл у него до часа и спустя некоторое время вновь посетил государя. Возвращались назад после пяти вечера, когда было уже темно. И на этот раз решение было отложено. 15 октября в 9 часов утра пароход вновь взял курс на Петергоф. Компанию Витте и Вуичу составили барон В. Б. Фредерикс и князь А. Д. Оболенский. Оказывается, последний подготовил проект манифеста. Его тут же стали обсуждать. Текст требовал редактуры, но на нее времени не было. Ясно было только то, что в манифесте речь должна была идти о гражданских свободах и законодательной Государственной Думе. Пока Витте был у царя, его коллеги работали над текстом. По окончании совещания председатель Комитета министров вновь поехал во дворец. Там присутствовал великий князь Николай Николаевич, барон Фредерикс и генерал О. Б. Рихтер. После некоторых колебаний Николай Николаевич поддержал Витте. То же сделал и Рихтер. Николай II обещал вечером дать знать, если согласится с их доводами. Вновь около пяти вечера пароход отплыл в Петербург. Ждали новостей из Петергофа. Они не приходили. Как раз в это время император совещался с И. Л. Горемыкиным и А. А. Будбергом. Горемыкин подготовил свой проект. Имелся и третий вариант, представлявший собой компиляцию первых двух. Предложения были, решения не было. В Петергофе молчали и 16 октября. 17-го днем Витте вновь отправился к царю.

17 октября 1905 года до жены С. Е. Крыжановского дошли слухи о готовившемся манифесте. Точно никто ничего не знал. В 11 часов вечера позвонил Вуич. Витте требовал к себе Крыжановского, которому пришлось срочно отправляться на Каменный остров. В дежурной комнате узнал о подписанном манифесте. В своем кабинете С. Ю. Витте шагнул из угла в угол. Князь А. Д. Оболенский сидел на диване. Витте был озабочен вопросом об избирательном праве. Он предполагал максимально его расширить, привлекая самые широкие массы к выборам в будущую Думу. Витте и в особенности Оболенский стали наперебой предлагать свои варианты. По обыкновению, у князя Оболенского одна фантазия немедленно покрывала другую в самых противоречивых сочетаниях. Ему хотелось в две минуты отыскать способ согласовать широкое, почти всеобщее избирательное право с гарантиями предсказуемости выборов. Он перескакивал от всеобщих равных выборов к выборам всеобщим же, но по сословиям, от них – к выборам по профессиональным группировкам, потом опять к всеобщим, но ограниченным известным имущественным цензом, и т. д. «Это была какая-то яичница предпо-

ложений, видимо до моего прихода обсуждавшихся, в которой Витте совершенно потонул». По ощущению Крыжановского, чувствовалось отсутствие какого-либо плана действий. Возвращаясь домой, он проезжал через Марсово поле. Там стояли манифестанты, размахивали флагами, что-то кричали про «белого царя». Петербург не утихал. В три часа ночи Крыжановский заехал к министру внутренних дел А. Г. Булыгину. Тот подписывал какие-то бумаги. Его жена дремала в кресле. Булыгин показал корректурные листы с манифестом. Их прислали из «Правительственного вестника». Министр внутренних дел ничего не знал о готовившемся акте, что вызывало у него недоумение. Он прекрасно понимал, что это его последние дни в должности министра. Рассказывал, как еще днем приходила гувернантка детей П. Н. Дурново по прозвищу Кикиша, осматривала квартиру, решая, где разместить мебель: «И подумайте только, какая бесцеремонность у Дурново. Уже переезжать на мое место собираются, а мне ничего не говорят».

Революция разворачивалась в первую очередь в столице. Буря была в Петербурге, а затем кругами расходилась по всей стране. В этом не было ничего уникального. Нечто подобное случилось во Франции в 1848 году. И там поначалу революция мобилизовала немногих. Состоялось 70 банкетов, в которых участвовали приблизительно 17 тысяч человек. Произошел митинг, на который вышло около тысячи студентов и рабочих. В течение дня число митингующих увеличилось до 3 тысяч человек. Правда, к тому времени в Париже оппозиционные настроения давно укоренились. В центре растущих настроений, ожиданий и разворачивавшихся волнений оказался университет, безуданно производивший интеллектуальный пролетариат – юристов без шансов устроиться на службу.

В октябре 1905 года петербургские улицы представляли собой печальное зрелище. Движение замерло. Они не освещались. Перемещались лишь патрули и разъезды. Вместе с тем прежде бастовавший телеграф ожил. По России расходились новости о манифесте, ставя местную администрацию в тупик. Пришла шифрованная депеша от наместника Кавказа графа И. И. Воронцова-Дашкова:

В местной прессе... печатается на основании агентской телеграммы весьма странный по форме и неясный по существу манифест. Сомневаюсь, подлинный ли это. Прошу срочно почтить указанием.

Точно также и ярославский губернатор А. П. Рогович отказывался верить в подлинность документа. Более того, он конфисковал номера газет с манифестом. Когда выяснилось, что манифест подлинный, Рогович подал в отставку. В Перми на площади зачитывался манифест. Явился губернатор А. П. Наумов. Его подхватила толпа и повела по улице за красными стягами. Полиция еле отбила губернатора. Вскоре Наумов подал в отставку. Минский губернатор П. Г. Курлов узнал о манифесте из донесений полиции, в которых говорилось, что толпа читает какой-то документ, выставленный рядом с его резиденцией. Он приказал снять плакат и принести ему. Так он узнал о принятых в столице решениях. В Томске с разрешения губернатора состоялось массовое шествие. Участие в нем принял и сам «хозяин» губернии В. Н. Азанчевский. Процессия шла с царскими портретами, пела гимны. По ходу движения к ней присоединились самые разные элементы, отчасти сомнительные. Толпа подошла к театру, где митинговали студенты и рабочие. Из театра в процессию полетели камни. Театр был окружен и сожжен. Многие там задохнулись. Приблизительно в это же время был разгромлен дом городского головы А. И. Макушина, который сам участвовал в студенческом митинге. Справиться с беспорядками губернатор не мог. В итоге и он подал в отставку. Нечто подобное происходило в Москве, Варшаве, Киеве, Одессе... В Москве на Театральной площади митинговали студенты. Выступал ректор Московского университета А. А. Мануилов. Он поздравлял «свободных граждан». Студенты направились в сторону резиденции генерал-губернатора на Тверской улице. К главе московской администрации П. П. Дурново поднялась делегация с требова-

нием освободить арестованных за участие в недавних беспорядках. Дурново вышел на балкон в сопровождении студентов с красными флагами. Генерал-губернатор благодарил толпу и обещал «снести с Петербургом» относительно освобождения заключенных. Толпа свистела и кричала. В это время, по совпадению, через площадь проехала тюремная карета, которая перевозила отнюдь не политических заключенных, а бродяг и воров. Толпа бросилась их освобождать. Конвойные стреляли. Генерал-губернатор продолжал выступать на балконе. Студенты за его спиной размахивали красными флагами. В это время на Немецкой улице Москвы толпа во главе с Н. Э. Бауманом шла освобождать арестованных. Случилась стычка с полицией, в которой участвовали дворники из соседних домов. Бауман был убит ударом лома по голове. На следующий день были организованы его «красные похороны». «Все было красное: гроб, банты, цветные перевязи у несших гроб, красные флаги, красные плакаты с надписью „Долой правительство“ и др.». За гробом шли несколько десятков тысяч человек. По распоряжению московской администрации этому шествию никто не мешал.

В Киеве и Одессе произошли еврейские погромы. В Варшаве движение возглавили польские националисты и религиозные лидеры. Впереди манифестации шел католический архиепископ. Развевались национальные флаги с одноглавым орлом. В Прибалтике, в остзейских губерниях (современные Латвия и Эстония), фактически разворачивалась настоящая гражданская война. Там в ноябре 1905 года беспорядки по масштабам превзошли те, что имели место в сентябре и октябре.

Ситуация накалялась. Требований к правительству становилось все больше. Оно чувствовало себя все менее уверенно. Представители общественности – напротив. 18 октября в 11 часов утра Витте принял главных редакторов столичных журналов и газет. Они столпились вокруг будущего главы правительства. Витте говорил о необходимости сотрудничества, просил успокоить умы. Присутствовавшие повторяли два тезиса: нужна политическая амнистия и следует вывести войска из Петербурга. Последний пункт вызывал категорическое неприятие Витте. Ему говорили: если вооруженные силы останутся в столице, газеты выходить не будут. «Пускай уж лучше не будут выходить газеты», – парировал Витте.

Предстояло решить вопрос о будущих выборах в Думу. Крыжановский отказался принципиально менять архитектуру избирательного закона, подготовленного прежде. Она была слишком изощренной, чтобы перечеркнуть результаты всех прежних трудов. Крыжановский пытался ограничиться частными поправками. Так, были введены новые разряды избирателей, в том числе рабочая курия. В середине дня к нему заехал общественный деятель профессор В. Д. Кузьмин-Караваев. Его прислал Витте в расчете, что тот может помочь в деле усовершенствования избирательного закона. Кузьмин-Караваев был вполне удовлетворен подготовленным проектом. Витте прислал к Крыжановскому и Д. Н. Шипова, бывшего председателя Московской губернской земской управы. Тот был убежденным славянофилом и, следовательно, сторонником самодержавия, которое, правда, понимал как явление не государственного, а скорее нравственного порядка. Он не одобрял Манифеста 17 октября, скорый созыв законодательной Думы, но ничего своего предложить не мог.

На следующий день Крыжановский вновь встретил Кузьмина-Караваева – на квартире С. Ю. Витте. Чувствовалось, что граф хотел понравиться профессору. Долго тряс ему руку и сладчайшим образом улыбался. Кузьмин-Караваев, напротив, покровительственно жал руку главе правительства. Было очевидно, что Караваев уже готовился к должности министра юстиции. Он возвращался от Витте вместе с Крыжановским и вышел как раз у здания Министерства юстиции: «Надо зайти поторопить министерство с амнистией».

У князя А. Д. Оболенского в Зимнем дворце прошло не одно совещание с участием общественности. Крыжановский вспоминал, что «были там М. А. Стахович, с его длинной бородой, всегда в подпитии, Муромцев, князь Е. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов и еще кое-кто». Они дружно убеждали Витте в спасительности всеобщего избирательного права. Эта точка зрения находила

понимание и у части бюрократии. В пользу всеобщего избирательного права говорили главным образом управляющий землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлер, министр путей сообщения К. С. Немешаев и в особенности министр торговли и промышленности Д. А. Filosofov. «Он был очень толст, с толстыми губами и языком, и когда увлекался речью, то слюны у него летели из рта фонтаном», – что, по воспоминаниям Крыжановского, имело исключительно комический эффект. Filosofov убеждал коллег, что идея равенства укоренена в сознании русского крестьянина. В качестве доказательства он приводил примеры недавних аграрных беспорядков. Перед крестьянами одной деревни стояла непростая задача раздела помещичьего фортепиано. В итоге они его рубили на части, чтобы остальным не было обидно. Очевидно, подобные истории скорее умиляли выступавшего.

Когда проект Положения о выборах был готов, С. Ю. Витте поехал докладывать о нем государю. Председатель Совета министров «прихватил» с собой Крыжановского. Витте чувствовал себя недостаточно уверенно в этом вопросе и нуждался в помощнике. Сначала в кабинет императора вошел Витте, через несколько минут он позвал Крыжановского. Они пробыли у царя около двух часов. Император вникал в детали, проявил любознательность, притом что было видно: новый порядок его симпатий не вызывал. Он с раздражением отмахнулся от слов Витте, что историческая власть в народном представительстве найдет устойчивую поддержку: «Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Витте чувствовал себя не в своей тарелке: «Он весь как-то ежился и маялся и совсем не похож был на великолепного и развязного Витте, грубо обрывавшего своих противников на разных совещаниях».

От идеи всеобщего избирательного права в итоге отказались. Тем не менее оно было предоставлено самым широким слоям населения. Избирательная система обеспечивала значительную часть мандатов крестьянству. Это объяснялось славянофильскими настроениями, которые разделяли самые разные представители высшей бюрократии. Казалось, что крестьянство – незыблемая основа самодержавной России. Ходили толки, что К. П. Победоносцев по этому поводу сказал: «Мужичёк... он чутьем спасет Россию».

Кто такой этот «мужичёк»? Что он думает, что желает? Писатель М. М. Пришвин вспоминал, как 17 октября 1905 года певшая «Марсельезу» и размахивавшая красными флагами толпа понесла его к университету. На Дворцовом мосту встретились мужики. Увидев демонстрацию, они только перекрестились. А в деревне, приблизительно в то же время, толпа крестьян молчаливо стояла перед горевшей помещичьей усадьбой. Никто не собирался идти на помощь. Заметив же в огне корову, бросились заливать ее водой.

Осенью 1905 года настроения широких масс – предмет для дискуссий. Интерпретации происходившего в стране могли быть самые разные. В октябре социолог и публицист С. Н. Южаков признавал, что в России разворачивалась особая, «мирная революция»:

*Не на баррикадах одерживает свои победы народная революция в России.
На улицах торжествует тройственный союз черносотенной губернской администрации, ее полиции и мобилизованных ими жуликов и хулиганов...*

25 октября 1905 года социал-демократ, член «Союза освобождения» С. Н. Прокопович отмечал, что отсутствие привычных форм революционного насилия отнюдь не мешает считать события 1905 года революционными:

Там (в Пруссии, во Франции. – К. С.) было вооруженное восстание народа против правительства, победа народа над войсками в уличной борьбе, баррикады и кровь, захват власти над столицей и временное правительство, – здесь был только отказ в работе, остановивший всю экономическую,

общественную и государственную жизнь страны. Несмотря на различие форм, результат один: капитуляция абсолютизма перед волей народа. Очевидно, и революции подлежат эволюции, – в зависимости от изменений всей совокупности общественных отношений.

Прокопович как бы извинялся перед читающей публикой за эту революцию, которая не оправдывала ожиданий. Она смотрелась замарашкой на фоне европейских сестриц. И все же она им приходилась родственницей.

Теперь, в октябре, наступал решительный перелом, за которым могли последовать драматические события. 29 октября 1905 года издатель газеты «Новое время» А. С. Суворин отмечал, что революция «начинается с того момента, когда перестают слушаться правительство. Она выступила в образе еще неясном. Ни лицо ее, ни руки, ни рост еще не определились явственно». Несколько дней спустя Суворин написал, что революция «показывает только цветочки, а ягодки еще вереди». Исполнявший обязанности министра внутренних дел П. Н. Дурново в ноябре 1905 года объяснял своим сотрудникам, что революция только набирала ход. Правда, дожидаться «ягодок» он не собирался. Д. Н. Любимов вспоминал:

Дурново со свойственной ему некоторой грубостью в выражениях стал мне объяснять, что мы уже перешли из смуты в революцию, может быть, пока еще деланную и искусственную, но фигура революции уже ясна. Все власть имущие хотели ее ударить, но не решались. Все они с графом С. Ю. Витте во главе опасаются пуще всего общественного мнения, прессы. Боятся, вдруг лишат их облика просвещенных государственных деятелей. Мне же терять нечего, особенно у прессы. Вот я эту фигуру революции и ударил прямо в рожу и другим приказал: бей на мою голову. При теперешнем положении иных способов нет, да и вообще, особенно у нас в России, это один из наиболее верных...

При этом даже в ноябре 1905 года были те, кто отрицал какую-либо революцию в России. Эта точка зрения была весьма популярна в консервативных кругах. «Мне думалось, что уступить перед насилием уличной толпы и ее одной... все-таки постыдятся. Чем более затягивалась забастовка, тем более крепла во мне эта надежда». По оценке Ф. Д. Самарина, Всеобщая октябрьская политическая стачка доказала, прежде всего, беспомощность революционного движения. Оно не находило поддержки в массах. Оно «выдыхалось» и подходило к своему логическому концу. Так бы и случилось, если бы не капитуляция правительства.

Казалось все входит понемногу в норму, вся эта грандиозная манифестация (Всероссийская октябрьская политическая стачка. – К. С.) грозила разрешиться в ничто, в мыльный пузырь и лишь обнаружить еще раз до какой степени фактически невозможна у нас революция даже при полной забастовке самой власти... вдруг в ту минуту, когда этого всего менее можно было ожидать, появляется Манифест, которым царь уступил, дал полное удовлетворение бунтовщикам, признал главнейшее их домогательство, —

так 9 ноября 1905 года описывал ситуацию Ф. Д. Самарин.

Точка зрения Самарина, пожалуй, чересчур радикальна, однако отнюдь не случайна. Кто-то признавал факт революции, многие – нет. Но даже тот, кто полагал, что революция все же происходит, считал ее невнятным подобием прежних европейских событий. Некоторые полагали, что настоящая революция началась только в декабре 1905 года. Так, например, оценивал ситуацию французский журналист Г. Леру. В дни московского вооруженного восстания он констатировал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.